

Д. И. Раскин

Из истории одной неудачной попытки руководить русской печатью

Цензурная политика Александра II в конце 1850-х — начале 1860-х гг., связанная с подготовкой и проведением Великих реформ, отражена во многих исследованиях¹. На фоне действительно значимых проявлений правительственной политики в отношении печати за этот период, относящихся главным образом к деятельности цензурного ведомства, в тени остается попытка перейти от цензурных запретов и послаблений к использованию периодической печати для влияния на общественное мнение. Это была беспрецедентная (и ожидаемо неудачная) попытка правительственного руководства печатью.

Впервые на эту попытку обратила внимание Ю. И. Герасимова, изложившая в своем исследовании основные связанные с ней факты². Упоминает о ней и В. Г. Чернуха в монографии, посвященной правительственной политике в отношении печати в 1860–1870-х гг.³ Но архивные документы, в которых отразилась история создания и деятельности Комитета по делам книгопечатания, до сих пор не публиковались, а сама история этого комитета заслуживает более пристального внимания.

В ноябре 1858 г. в Совет министров был по личному указанию Александра II внесен вопрос о «направлении нашей литературы». Этому предшествовали представленные императору записки русского посла в Берлине барона А. Ф. Будберга, министра юстиции гр. В. Н. Панина, генерал-майора свиты его императорского величества Н. А. Орлова и государственного контролера Н. Н. Анненкова. Наибольшее влияние на императора оказала записка А. Ф. Будберга, ссылавшегося на пример Франции (Bureau de la presse). Эта записка и рассматривалась

в Совете министров. Слухи об этой записке и планах императора начали появляться в близких к правительству кругах в начале октября 1858 г. Об этом свидетельствуют записки в дневнике А. В. Никитенко от 5 и 12 октября 1858 г.: «Федор Иванович (Тютчев. — Д. Р.) рассказал мне, между прочим, о проекте, присланном сюда из Берлина нашим посланником, бароном Будбергом, который предлагает, по примеру Франции, учредить *наблюдательно-последовательную* цензуру. — Хорошо! А нынешняя предупредительная тоже остается? — спросил я. — В том-то и дело! — отвечал Тютчев. Был уже, по высочайшему повелению, назначен для рассмотрения проекта и комитет из князя Горчакова, князя Долгорукова, Тимашева, нашего министра и Тютчева. Последний сильно протестовал против этой двойственной цензуры — предупредительной и последовательной. Наш министр с ним соглашался. — Но надобно же, — заметил князь Долгорукий, — что-нибудь сделать, чтобы успокоить государя, которого сильно озабочивает цензура... У министра... Вообще было много говорено о цензуре и о проекте составить особенное бюро, которое бы не административно, а нравственно занималось направлением литературы. Я заметил, что это чистая мечта. Министр того же мнения, но говорит, что некоторые этого желают»⁴.

Идея подготовки общественного мнения к предстоящим реформам путем правительственного влияния на литературу (под литературой все участники процесса понимали не художественную литературу, а публицистику, прежде всего периодику) и даже правительственного руководства этой литературой стала личной идеей Александра II. Отсюда его инициатива рассмотрения вопроса в Совете министров⁵. Отсюда и его «личные объяснения», которые император счел нужным дать членам совета во время заседания.

Для влияния на русскую литературу предлагалось создать особое учреждение, которое (в отличие от цензуры, действовавшей посредством запретов и разрешений) должно было направлять периодическую печать, указывая ей на темы для публикаций, по которым «правительство желает подготовить общественное мнение или иметь разъяснение, или собрать сведения и таким образом устранить бесполезные рассуждения о вопросах неудобноисполнимых или вовсе не входящих в виды правительства»⁶.

При подготовке к заседанию Совета министров была получена записка председателя Государственного совета и Комитета министров кн. А. Ф. Орлова, который, одобряя саму мысль направить печать на полезные для правительства и благонамеренные предметы и суждения, скептически отнесся к созданию с этой целью специального учреждения. Он полагал, что для этого достаточно избрать пользующихся доверием императора и осведомленных в планах правительства лиц, которые бы доводили до сведения деятелей периодической печати сведения о «видах правительства». Как видно из текста журнала Совета министров, это мнение кн. А. Ф. Орлова было учтено в части необходимости доверия императора избранным для этой цели лицам и их осведомленности по части намерений правительства.

Тем не менее назначенные Александром II лица образовали особый, подчиненный лично императору Комитет по делам книгопечатания. В состав этого комитета вошли товарищ министра народного просвещения обер-форшнейдер Н. А. Муханов, управляющий делами Императорской главной квартиры генерал-адъютант гр. А. В. Адлерберг и начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной его императорского величества канцелярии генерал-майор свиты его императорского величества А. Е. Тимашев. А. В. Никитенко так отозвался об этом выборе: «Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будут направлять литераторов, советовать им, рассуждать с ними о важнейших вопросах, нравственных, политических, литературных, — они, которые никогда ни о чем не рассуждали, ничего не читали и не читают! Смех и горе!»⁷ Действительно, члены Комитета по делам книгопечатания пользовались особым доверием Александра II — граф А. В. Адлерберг был его товарищем детства, Н. А. Муханов входил в узкий круг доверенных лиц императора, А. Е. Тимашев находился в должности, заведомо предполагавшей такое доверие. Но ни один из них (за исключением Н. А. Муханова, в молодости лично знакомого с крупнейшими русскими писателями, в том числе с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, Н. В. Гоголем, П. А. Вяземским и др.) не имел никаких связей с литературой и периодической печатью и, что еще хуже, не имел опыта административной деятельности по гражданскому ведомству. Этот «придворный бюрократический дилетантизм» членов комитета сказался и на тексте поспешно созданного ими «Образования Комитета по делам печати», и, в особенности, на деятельности самого комитета.

«Образование Комитета по делам печати» было утверждено императором 21 января 1859 г. К нему прилагался штат комитета, предусматривавший жалованье чиновникам, расходы на наем писцов и сторожей и канцелярские расходы, всего 12 046 руб. 10 коп. в год⁸.

«Образование» расширяло круг полномочий Комитета по делам печати по сравнению с высочайше утвержденным журналом Совета министров. Если в последнем говорилось лишь о непосредственных сношениях членов комитета с «редакторами главнейших журналов и замечательнейшими авторами, действуя на них не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения» и о праве поручать им «составление статей в видах правительственных для напечатания в периодических изданиях», то в «Образовании Комитета по делам печати» речь шла уже о предварительном рассмотрении в комитете статей, составляемых в министерствах, и об обязательном для редакций периодических изданий помещении в них написанных по заказу правительства (т. е. комитета) статей под рубрикой «сообщено», а также о праве членов комитета требовать личной явки в комитет для объяснений цензоров, журналистов и литераторов. Таким образом, комитет присваивал себе определенную власть и над цензорами, и над литераторами, и даже над министерствами.

А обязательная доставка в Комитет по делам печати всех выходящих периодических изданий, книг и брошюр, организация которой возлагалась на Министерство народного просвещения, не только прибавляла работы цензурному ведомству, но и предполагала работу по их прочтению, явно превышающую возможности и чиновников, и членов комитета. В результате началась оживленная переписка Министерства с местными цензурными учреждениями, которые должны были обеспечить получение дополнительного экземпляра выходящих в свет изданий для доставки во вновь образованный комитет⁹. А для этого пришлось сообщить сведения о комитете издателям и редакторам. Более того, с них стали брать подписку об ознакомлении с «Образованием» комитета, хотя последнее определяло Комитет по делам печати как учреждение «не официальное, об учреждении коего дается знать циркулярно лишь министрам и главноуправляющим отдельными частями». Известно, что М. Н. Катков дал подписку с обязательством доставлять для комитета номера «Русского вестника», но отказался печатать присылаемые из комитета статьи, сообщив о своем намерении просить разъяснения, в какой мере могут положения «Образования» Комитета по делам печати относиться к редакторам частных, а не казенных изданий¹⁰.

Таким образом, недовольство императора распространением слухов о новом комитете, т. е. разглашением сведений о заседаниях Совета министров, о чем шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков уведомил 14 декабря 1858 г. А. П. Суковкина¹¹, пришло в противоречие с практикой цензурного ведомства, выполнявшего (возможно, с нарочитым усердием) волю Комитета по делам печати.

Опасения общества, что новый комитет станет чрезвычайным цензурным органом, напоминая печально известный Комитет 2 апреля 1848 г. (Бутурлинский)¹², питались и такими бестактными нормами «Образования» Комитета по делам печати, как предусмотренные пунктами 14 и 15, и еще более бестактным их исполнением.

Эти опасения с самого начала наложили отпечаток на восприятие всех действий комитета. Характерна запись в дневнике А. В. Никитенко от 28 декабря 1858 г.: «Сегодня был у меня один из окончивших в нынешнем году курс студентов, которого Муханов приглашает к себе в сотрудники, то есть в шпионы, по этому комитету. Он предлагает ему читать журналы и доносить комитету о том, что найдет в них дурного. Молодой человек был сильно озадачен этим приглашением и пришел ко мне за советом. Я открыл ему темную сторону предложенной ему роли, и он ушел от меня, по-видимому, убежденным и утвердившимся в идее чести»¹³. Очевидно, что молодому человеку предлагалось место одного из троих чиновников, на которых, в соответствии со 2-м пунктом «Образования» комитета, возлагалось «чтение и рассматривание журналов и сочинений». Н. А. Муханов, судя по всему, не имел в виду ни доносов, ни карательных мер, но беда в том, что и функции аппарата Комитета по делам печати, и объем работы он (как и остальные члены комитета) представлял себе весьма слабо.

Судя по дневнику А. В. Никитенко, новый комитет сравнивали с недоброй памяти Бутурлинским и некоторые высшие сановники: «Теперь вздумали соз-

дать комитет, который бы *любовно, патриархально и разумно* направлял литературу нашу, особенно журналистов, на путь истинный. Он будет входить в непосредственные с ними сношения и действовать *мерами короткого назидания*, не вступая ни в какие цензурные права. — А если литераторы их не послушают? — спросил я у графа (Д. Н. Блудова. — *Д. Р.*). — Ну, так ничего. — Если ничего, — заметил я, — так и комитет ничего. — Хорошо! Это, видите ли, нечто вроде французского Bureau de la presse, переделанного на русский лад... Граф Блудов, разумеется, против этого бестолкового учреждения, которое непременно должно или превратиться в негласный бутурлинский комитет, процветавший при Николае Павловиче, или в самое смешное ничто»¹⁴. Высказывались также подозрения в адрес членов комитета в намерении присвоить себе власть над министерствами: «Тургенев рассказал мне про обед у князя [Н. А.] Орлова. Князь тоже находит новоучрежденное литературное “троеумжие” неразумным. Но добивавшиеся этой меры, по словам его, имели другие виды. Они хотели присвоить себе контрольную власть над всеми министерствами, а литература служила так, предлогом»¹⁵. Похоже, что и это подозрение было не совсем основательным, так как идея комитета исходила не от его членов, но некоторые пункты «Образования Комитета по делам печати» (например, 12-й) давали для него пищу.

О начале деятельности комитета А. В. Никитенко пишет: «Комитет вступил, наконец, гласно в свои негласные права. Он отнесся к министру (народного просвещения. — *Д. Р.*) с требованием объявить кому следует, чтобы цензоры и литераторы являлись к нему по его призыву для объяснений и вразумлений. Муханову дано, между прочим, право задерживать до его разрешения выдачу билета на выпуск книги или журнала из типографии. Да это хуже бутурлинского негласного комитета! Даже император Николай Павлович не посягал на это»¹⁶.

Решительным противником создания Комитета по делам печати был министр народного просвещения Е. П. Ковалевский. Решение о создании комитета было принято в его отсутствие¹⁷. В качестве ответного шага Е. П. Ковалевский добился назначения управляющим делами комитета А. В. Никитенко¹⁸. Это назначение состоялось 1 марта 1859 г. Вопреки п. 2 «Образования» комитета Никитенко был назначен с правом голоса, т. е. становился полноправным членом комитета. Его жалование было установлено в 4 тыс. руб. (считая 2 тыс. столовых)¹⁹, хотя по штату правителю дел полагалось всего, включая столовые, 2942 руб. 10 коп.²⁰ На предоставлении ему права голоса настаивал сам А. В. Никитенко²¹.

Так в состав Комитета по делам печати был введен человек, по своим литературным связям и служебному опыту действительно способный к осуществлению задач комитета.

При вступлении в комитет А. В. Никитенко изложил (сначала устно, а затем и в записке) свои взгляды на задачи этого учреждения: «Распространившись, что литература вообще не питает никаких революционных замыслов, я стоял на том, что подавлять ее нет ни малейших причин; что для нее вполне достаточно обыкновенных цензурных мер; что стеснять литературу посредством правительственных *мероприятий* невозможно и не должно и что комитету следует разве

только, по воле государя, *наблюдать* за движением умов и направлять к общему благу не литературу, а общественное мнение». Эта записка была благосклонно принята императором²². Во время личного свидания с Александром II тот сказал А. В. Никитенко: «Я со вниманием и с удовольствием читал вашу записку. Желательно, чтобы вы действовали влиянием вашим на литературу таким образом, чтобы она согласно с правительством действовала для блага общего, а не в противном смысле. — Это, ваше величество, — отвечал я, — конечно, есть единственный путь, которым можно идти к величию и благоденствию России. Употреблю все силы мои для служения этому делу. — Есть стремления, — продолжал государь, — которые несогласны с видами правительства. Надо их останавливать. Но я не хочу никаких стеснительных мер. Я очень желал бы, чтобы важные вопросы рассматривались и обсуживались научным образом; наука у нас еще слаба. Но легкие статьи должны быть умеренны, особенно касающиеся политики. Государь особенно налег на слове *политика*... Не надо думать, — заметил государь, — что дело ваше легко. Я знаю, что Комитет не пользуется расположением и доверием публики. — Моя роль, как я ее понимаю, ваше величество, быть примирителем обеих сторон. — Опять повторяю, — сказал еще государь, — что мое желание не употреблять никаких стеснительных мер, и если Комитет понимает мои виды, то, несмотря на трудности, может все-таки что-нибудь сделать»²³.

Неуклюжесть формулировок «Образования» комитета вскоре была осознана и самими его членами. По свидетельству А. В. Никитенко, «Комитет учинил важное признание, к которому он пришел вследствие моих убедительных и сильных объяснений, именно: что он сделал весьма важную ошибку, объявив своим циркуляром, что он будет призывать для объяснений и замечаний литераторов и цензоров. Ошибка эта, как я говорил им, погубила их совершенно с литературою и общественным мнением и подала повод к бесконечным неблагоприятным толкам, чем²⁴ немало содействовало и решение Комитета печатать в журналах свои статьи. Я старался всячески поддержать Комитет на этом благом пути невмешательства в литературу и цензуру и, кажется, успел в этом. Это уж важная победа в пользу справедливости и благоразумного либерализма»²⁵.

Намерения Александра II (как и членов Комитета по делам печати) по отношению к литературе были вполне благожелательными, но представления и императора, и его ближайших сотрудников о возможности и способах воздействия на периодическую печать, а через нее — на общественное мнение далеко расходились с действительностью. Заставить ведущих авторов писать по указке правительства, а издателей — помещать предлагаемые им статьи было в то время уже невозможно, а поручать третьесортным литераторам составление заказных статей — неэффективно. Гораздо более практичным был план министра народного просвещения и А. В. Никитенко издавать правительственную газету, к участию в которой привлекать уважаемых писателей.

Но осуществление этого плана затягивалось. А заседания Комитета по делам печати в основном сводились к разговорам и обсуждениям отдельных част-

ных вопросов. Неэффективность комитета становилась все более очевидной. В конце концов возник проект (исходящий от того же Никитенко) слияния Комитета по делам печати с Министерством народного просвещения (с Главным управлением цензуры). К ноябрю 1859 г. с этим соглашался и император²⁶. Но на заседании Совета министров 10 ноября 1859 г. было принято решение отделить Главное управление цензуры от Министерства народного просвещения и составить из него (под председательством лица, избранного императором) особое учреждение, а Комитет по делам печати «в нынешнем его составе» слить с преобразуемым Главным управлением цензуры²⁷. По словам министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, отделение цензуры от Министерства народного просвещения было личной инициативой императора²⁸.

Для создания нового учреждения был избран барон М. А. Корф, но его деятельность продолжалась всего 14 недель²⁹. Главное управление цензуры продолжало оставаться в составе Министерства народного просвещения вплоть до 14 января 1863 г.³⁰

Так бесславно закончилась попытка верховной власти превратить периодическую печать в союзника правительства. Эта попытка с самого начала была обречена на неудачу. Но само намерение императора подготовить общественное мнение к предстоящим реформам было не случайным. Впервые в России общественное мнение, выражаемое через периодическую печать, выступало в качестве самостоятельной силы, и впервые этот факт признавался носителем верховной власти. История создания и деятельности Комитета по делам печати является неотъемлемой частью истории правительственной политики в период подготовки реформ.

В. Г. Чернуха в своем исследовании истории Совета министров в 1857–1861 гг. указывала, что это учреждение не имело собственной канцелярии, его переписка состояла из повесток дня и «немногих» резолюций, а в случае необходимости управляющий делами Комитета министров (который вел делопроизводство Совета министров) составлял «особые мемории»³¹.

Действительно, сохранившиеся в составе архивного фонда Совета министров «реестры бумаг к заседаниям», как правило, включают всеподданнейшие записки управляющего делами Комитета министров о назначении заседаний, повестки заседаний (иногда со сведениями о лицах, особо приглашенных для участия в этих заседаниях) и — реже — высочайшие резолюции. Но есть и исключения из этого правила. К заседанию 11 декабря 1858 г. в «реестре бумаг» сохранилась записка кн. А. Ф. Орлова и проект журнала³² этого заседания с пометой Александра II от 11 же декабря «исполнить»³³. Текст проекта дословно совпадает с текстом журнала (сохранившегося в заверенных копиях).

Таким образом, есть основания утверждать, что журналы заседаний Совета министров все-таки велись. Они несколько отличались по форме от журналов Комитета министров и от меморий Государственного совета. Главные отличия — отсутствие деления текста на две колонки и отсутствие в начале списка

участников заседаний, а в конце — их собственноручных подписей. Подлинники этих журналов не сохранились, возможно, по причине отсутствия у Совета министров собственной канцелярии и нерегулярного характера, а затем и постепенного угасания его деятельности.

Но документы не исчезают бесследно. После смерти Н. А. Муханова в 1871 г. остались бумаги, которые были переданы в МВД (в ведении которого с 1863 г. находилась цензура). Среди этих бумаг имеется и заверенная А. П. Суковкиным копия журнала Совета министров от 11 декабря 1858 г. Аналогичная и дословно совпадающая с нею копия (также заверенная А. П. Суковкиным) была прислана гр. А. В. Адлербергом министру народного просвещения вместе с другими бумагами, относящимися к созданию Комитета по делам печати³⁴.

Не имел собственного делопроизводства и Комитет по делам печати. Аппарат комитета не успел сформироваться, а наладить делопроизводство активные члены комитета (гр. А. В. Адлерберг, Н. А. Муханов) не умели в силу своей бюрократической неопытности. А. В. Никитенко, добившийся равноправного положения в комитете, роль заведующего его делопроизводством от себя отклонил. Заседания комитета, судя по всему, носили неформальный характер и не оформлялись журналами. Поэтому от Комитета по делам печати не осталось ни самостоятельного архивного фонда, ни даже комплекса документов в составе другого фонда (как бывало при передаче дел упраздненных или временных учреждений по принадлежности). Источником сведений по истории комитета (помимо дневника А. В. Никитенко и материалов Совета министров) является дело, заведенное в Главном управлении цензуры по письму гр. А. В. Адлерберга об образовании Комитета по делам печати.

Инициативным документом в этом деле выступает письмо гр. А. В. Адлерберга на имя министра народного просвещения от 24 января 1859 г., в котором сообщается о создании и составе комитета. К нему приложена уже упомянутая копия журнала Совета министров и копия «Образования комитета по делам печати», заверенная гр. А. В. Адлербергом (с приложением штата комитета). Копия изготовлена крайне небрежно. Помимо сбоя в нумерации пунктов (II раздел, следующий после 7-го пункта, делится на 2 пункта с отдельной нумерацией, а III раздел начинается с пункта 9) копия содержит орфографические ошибки и опiski, иногда искажающие смысл документа. Характерно, что заверивший эту копию гр. А. В. Адлерберг этих ошибок не заметил. Но они исправлены карандашом рукой либо Е. П. Ковалевского, либо чиновника, которому было поручено дело о комитете. Карандашом также зачеркнуты первые два раздела «Образования» и отчеркнуты на полях пункты III раздела, относящиеся к полномочиям вновь созданного комитета.

Дело Главного управления цензуры содержит также его переписку с местными цензурными учреждениями о доставлении в Комитет по делам печати обязательного экземпляра всех выходящих изданий.

**1. Записка председателя Государственного совета и Комитета министров
кн. А. Ф. Орлова об учреждении «Литературного совета»***27 ноября 1858 г.*

Рассмотрев во всей подробности прочитанные в Совете министров бумаги об учреждении Литературного совета, поставляя себе долгом всеподданнейше подвергнуть пред Вашим императорским величеством соображения по этому важному делу.

Мысль, чтобы статьями, сообщаемыми¹ дать направление нашей современной литературе сообразно видам правительства, вызвать деятельность литераторов или специалистов на такие предметы, по которым Правительство желает иметь разъяснения или собрать какие-либо сведения и таким образом устранить бесполезные рассуждения о вопросах неудобноисполнимых или вовсе не входящих в виды правительства, не может не быть признана одним из самых благонамеренных предположений. Но к достижению благодетельной цели, указанной в записке, представляется к разрешению главнейший вопрос: это способ исполнения. По моему мнению, для этого не нужно ни особого совета и никакого учреждения, официально² образованного, гласного или секретного. — Мне кажется, что для этого было бы полезно избрать несколько лиц по непосредственному благоусмотрению Вашего императорского величества. Первым условием при выборе этих лиц должно быть, разумеется, полное доверие к ним Вашего императорского величества, но, вместе с тем, им должны быть известны главнейшие предположения правительства по разным отраслям государственного управления. По усмотрению каждого из этих лиц или по общему их между собою сообщению должно быть поручаемо благонадежным литераторам или служащим лицам составление статей для сообщения в периодические издания, с назначением, может быть, в некоторых случаях платы за литературный труд. Таким образом лица сии, не неся никакого официального³ характера, но отмеченные высоким доверием Вашего императорского величества, должны, по моему убеждению, принести ту существенную пользу, что будут служить к распространению во всеобщее узвание настоящих видов правительства. Само собою разумеется, что наблюдение за действиями цензурных учреждений должно оставаться неизменно на прямой и непосредственной ответственности министра народного просвещения, который, без сомнения, в случаях сомнительных не преминет воспользоваться совещаниями с вышеозначенными лицами.

Князь Орлов.

РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 3-а. Л. 172 — 173 об.

¹ Здесь и далее подчеркнуто в подлиннике.

² Так в подлиннике.

³ Так в подлиннике.

2. Копия с высочайше утвержденного 11 декабря 1858 года журнала Совета министров по делу о направлении нашей литературы

В Совете министров прочитана была по высочайшему повелению записка, в которой излагалось, что при современном состоянии умов, в особенности юного, легко увлекаемого поколения, при признанной у нас потребности в разных государственных преобразованиях и при очевидности к распространению многими из наших писателей ошибочных и несбыточных теорий, нельзя не чувствовать необходимости в принятии мер к более правильному и сообразному с видами правительства направлению нашей литературы.

Для сего указывалось на пользу образования особого учреждения, которого цель должна заключаться в следующих главных чертах:

1) служить орудием правительства для приготовления умов посредством журналов к предпринимаемым им мерам;

и 2) направлять, по возможности, главные периодические литературные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждения общественных вопросов в видах правительства.

Записка эта была по высочайшему повелению посылаема ко всем членам Совета для тщательного соображения ими этого важного предмета, и затем в заседаниях Совета 27-го ноября и 4-го декабря происходили по этому делу суждения.

Государь император изволил удостоить Совет личным объяснением, что предполагаемое учреждение не должно отнюдь иметь вида цензурного установления. — Цензура должна предупреждать злоупотребления литературы и удерживать их⁴ в пределах, предписанных законом, но она не может действовать влиятельно на самое направление литературы и посредством ее — на общественное мнение. — Цензура дозволяет или запрещает к печатанию только то, что ей представлено написанное по собственному усмотрению каждого, но она не может указать, каким предметом следует заняться предпочтительно.

Многие примеры доказывают, что труды людей самых благонамеренных запрещаются цензурою и наоборот — случается, что вредные статьи пропускаются цензурою иногда, может быть, и без всякого дурного намерения, но единственно потому, что ни писатели, ни цензоры не знают, чего желает правительство и что входит в его действительные виды и предположения. — Между тем. Предлагаемое учреждение имеет именно целию обратить литературу на полезное поприще, указывая деятельности литераторов или специалистов на такие предметы, по коим правительство желает подготовить общественное мнение или иметь разъяснение, или собрать сведения и таким образом устранить бесполезные рассуждения о вопросах неудобноисполнимых или вовсе не входящих в виды правительства.

⁴ Так в подлиннике.

Совет министров, находя единогласно, что подобное учреждение не может не быть признано одним из самых благонамеренных предположений и должно принести благотворные последствия, обратился к обсуждению главнейшего в этом деле вопроса — способа исполнения.

По этому предмету Совет министров выразил убеждение, что это дело может быть возложено только на лиц, назначенных для того по непосредственному благоусмотрению и полному доверию государя императора.

Его императорское величество, разделяя эту мысль, изволил остановиться на следующих предположениях:

1. Что лица, которые будут для сего дела избраны, состоят вне всякой зависимости от министерств.

2. Для успеха их действий им должно быть известно направление, которому министры и главноуправляющие следуют или намерены следовать в кругу своих обязанностей.

3. Лица сии должны будут находиться постоянно в личных сношениях с министрами для безотлагательного разрешения могущих встретиться недоумений. — С другой стороны, им необходимо быть в непосредственных сношениях с редакторами главнейших журналов и замечательнейшими авторами, действуя на них не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения и приобретая таким образом нравственное на них влияние.

4. Им предоставляется право поручать разным лицам, по их усмотрению, составление статей в видах правительственных для напечатания в периодических изданиях и в таком случае испрашивать, если сочтут нужным, вознаграждение автору статьи за его литературный труд.

и 5. Не касаясь распоряжений цензуры, действующей в предписанных ей пределах, означенные лица, если найдут полезным, передают свои замечания по общему ходу литературы министру народного просвещения. Могущие встретиться столкновения с общею цензурою разрешаются тем же министром, если это не превышает его власти. В противном же случае он, министр, представляет о том на высочайшее благоусмотрение.

Указав сии главнейшие начала, государь император изволил объяснить, что затем опыт в удобстве действий и ожидаемых полезных последствиях может указать основания для дальнейшего развития этого дела.

Независимо от сего, Совет министров обратил внимание, что литературная деятельность о предметах, относящихся к России, является как в иностранных журналах, так и в разных сочинениях, издаваемых за границею на русском языке.

После многосторонних обсуждений о средствах к противодействию вредному направлению заграничной литературы Совет пришел к мысли, одобренной государем императором, что в случае появления в заграничных изданиях какой-либо замечательной статьи (в которой будет указываться не на одни личности, но на самые события факты), министры и главноуправляющие могут

изготавливать по своим ведомствам, когда это признают нужным и полезным, опровергательные статьи для передачи из министру иностранных дел, по распоряжению и указанию коего они могут печататься в каком-либо иностранном журнале.

С подлинным верно. Статс-секретарь Суковкин.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1185. Л. 18 — 21 об.

Копия: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 5-в — 5-е об.

3. Образование Комитета по делам книгопечатания

На подлинном резолюция Александра II «Быть по сему». 21 января 1859 г.

I. Состав и распорядок должностей.

1.

Комитет по делам книгопечатания состоит из членов, назначенных его императорским величеством.

2.

Для содействия членам по их указаниям и под их руководством определяются: правитель дел Комитета, на коего возлагается заведование текущими делами, четыре чиновника, из коих один есть помощник правителя дел и заступает его место в случае болезни или отсутствия. Он же и казначей. Остальные три чиновника имеют обязанностью чтение и рассмотрение журналов и сочинений.

3.

Чиновники Комитета по делам книгопечатания избираются членами оною как из отставных и не служащих, так и между занимающими какие-либо должности в других ведомствах.

4.

Чиновники Комитета определяются и увольняются по усмотрению и распоряжению членов его.

5.

Кроме сего полагается два писца.

6.

Содержание означенным чиновникам и наем писцов и других постоянных по Комитету расходов производится по приложенному у сего штату из Государственного казначейства.

7.

Для рассылов по Комитету командировается к нему почталион⁵ из Санкт-Петербургского почтамта.

II. Предметы и круг действия.

Предметы Комитета суть:

1. Надзор за направлением нашей литературы соответственно видам правительства как в выходящих периодических изданиях, так и в других сочинениях.

2. Сношения с министерствами и главными управлениями для получения нужных сведений по вопросам, до подлежащих ведомств относящихся и об-суждаемых в печатаемых статьях.

III. Образ действия и порядок делопроизводства.

9.

Комитет составляет установление не официальное, об учреждении коего дается знать циркулярно лишь министрам и главноуправляющим отдельными частями.

10.

Комитет находится вне всякой зависимости от министерств и главных управлений и всеподданнейше испрашивает высочайшие указания для своих действий от его императорского величества непосредственно.

11.

Комитет по делам книгопечатания, не касаясь цензурных установлений, ни в чем не ограничивает и не изменяет существование и действия сих последних.

12.

Статьи, составляемые в министерствах для напечатания в периодических изданиях, препровождаются предварительно в Комитет по делам книгопечатания.

13.

Статьи, печатаемые в журналах по распоряжению Комитета под рубрикою «Сообщено» как исходящие от правительства, должны служить цензорам указанием⁶ и руководством для их действий, о чем цензурные учреждения имеют быть поставлены в известность министром народного просвещения.

⁵ Исправлено карандашом. В тексте копии «почталион».

⁶ Исправлено карандашом. В тексте копии «указаниям».

14.

Помещение в газетах и журналах статей, доставляемых с надписью одного⁷ из членов Комитета, обязательно для редакции оных.

15.

Для необходимых объяснений и совещаний члены Комитета в случае надобности требуют личной явки в оный цензоров, а равно журналистов и литераторов.

16.

В случае надобности члены⁸ Комитета поручают даровитым литераторам составление статей для напечатания в периодических изданиях. За статьи сии назначается плата по взаимному соглашению с сочинителями оных.

17.

Членам Комитета предоставляется право в вящее поощрение благонамеренных писателей представлять их в особых случаях к наградам³⁵. Смотри по достоинству их сочинений и трудов на пользу общую, а также выдавать по своему усмотрению денежные награды.

18.

Издержки, потребные на приобретение статей и денежные награды. Обращаются на счет Государственного казначейства, которое отпускает членам Комитета по требованиям их с высочайшего разрешения на известное его величеству употребление.

19.

Отчеты по действиям Комитета и денежным издержкам представляются его императорскому величеству непосредственно членами его.

20.

Все выходящие периодические издания, книги, брошюры и проч. должны быть доставляемы в Комитет по делам книгопечатания по распоряжению Министрства народного просвещения.

Подписали: тайный советник Муханов, генерал-адъютант граф Адлерберг и свиты его императорского величества генерал-майор Тимашев.

Верно. Генерал-адъютант граф Адлерберг 2-й.

РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 2 — 4 об.

⁷ Исправлено карандашом. В тексте копии «одному».

⁸ Исправлено карандашом. В тексте копии «члена».

- ¹ Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры, 1700–1863. СПб., 1892; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902; Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904; Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. М., 1974; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: Изд-во МГУ, 1984; Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-х годах XIX века. Л.: Наука, 1989; Такс Чолдин М. Империя за рубежом: история цензуры в царской России / Пер. М. Галушкиной. М., 2002; Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011; Морозова Е. Н. Н. А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного самоуправления). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2019; и др.
- ² Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. С. 64–67.
- ³ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-х годах XIX века. С. 25–26.
- ⁴ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 37, 39.
- ⁵ В 1857–1867 гг. совет действовал негласно и рассматривал под председательством императора важнейшие вопросы внутренней политики. Дела на его рассмотрение вносились по представлениям министров и главноуправляющих (с утверждения императором) или по личным распоряжениям императора (Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н. П. Ерошкин, отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. С. 80–81).
- ⁶ Здесь и далее цитаты из публикуемых документов специально не оговариваются.
- ⁷ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 50.
- ⁸ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 5-а.
- ⁹ Там же. Л. 12–13.
- ¹⁰ Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. С. 66.
- ¹¹ Чернуха В. Г. Совет министров в 1857–1861 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. V. М.–Л.: Наука, Лен. отд., 1973. С. 136.
- ¹² Действовавший до 5 декабря 1855 г. Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения. С. 75–76.
- ¹³ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 52.
- ¹⁴ Там же. С. 50. Здесь и далее курсив в подлиннике.
- ¹⁵ Там же. С. 51–52.
- ¹⁶ Там же. С. 60.
- ¹⁷ Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. С. 65.
- ¹⁸ «Посоветоваться» с Никитенко «насчет своего устройства и дел» желали (возможно, не без влияния Е. П. Ковалевского) в начале февраля 1859 г. и члены комитета (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 60). Ковалевский указывал, по его словам, императору на Никитенко как на человека «как на лицо, которое, по его мнению, более чем кто-либо может действовать с пользою в комитете». Он предлагал также в члены комитета кн. П. А. Вяземского, Ф. И. Тютчева, П. А. Плетнева и Е. П. Ковалевского (Там же. С. 65). РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 17.
- ¹⁹ Там же. Л. 5-а.
- ²⁰ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 64.
- ²¹ Там же. С. 65, 67.
- ²² Там же. С. 71–72.
- ²³ Так в тексте.
- ²⁴ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 81.

- ²⁶ Там же. С. 101.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 4. Л. 107–108.
- ²⁸ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 2. С. 104.
- ²⁹ Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. С. 81.
- ³⁰ Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. С. 50.
- ³¹ Чернуха В. Г. Совет министров в 1857–1861 гг. С. 131.
- ³² Такой опытный чиновник, как А. П. Суковкин, не мог не знать разницы между мемориями и журналами.
- ³³ РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 3-а. Л. 174 — 177 об.
- ³⁴ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4723. Л. 5-в — 5е об.
- ³⁵ Ср. статут ордена Св. Анны (1845 г.): «Право на получение 3 степени ордена Св. Анны <...> приобретают... 11) Кто напишет и издаст по какой-либо отрасли наук, художеств, или литературы сочинение, признанное классическим» (2 ПСЗ. Т. 20. № 19228. 22.07.1845).

References

- CHERNUHA V. G. *Pravitel'stvennaja politika v otnoshenii pečati v 60–70-h godah XIX veka*. [The Empire Behind the Fence: A History of Censorship in Tsarist Russia. In Russ.] Leningrad: Nauka, 1989.
- CHERNUHA V. G. *Sovet ministrov v 1857–1861 gg.* [Council of Ministers in 1857–1861. In Russ.] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. Iss. V. Moscow; Leningrad: Nauka, Len. otd., 1973.
- GERASIMOVA Ju. I. *Iz istorii russkoj pečati v period revoljucionnoj situacii konca 1850 — nachala 1860-h gg.* [From the history of the Russian press during the revolutionary situation of the late 1850s — early 1860s. In Russ.] Moscow: Kniga, 1974.
- LEMKE M. K. *Jepoha cenzurnyh reform 1859–1865 godov*. [The Age of Censorship Reforms of 1859–1865. In Russ.] St. Petersburg, 1904.
- MOROZOVA E. N. N. A. *Miljutin: zamysly i rezul'taty (ot policejskoj reformy k sozdaniju proektov jeffektivnogo mestnogo samoupravlenija)*. [N. A. Milyutin: plans and results (from police reform to the creation of effective local government projects). In Russ.] Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2019.
- NIKITENKO A. V. *Dnevnik: V 3 t. T. 2.* [Diary: In 3 vols. Vol. 2. In Russ.] Moscow: Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1955.
- PATRUSHEVA N. G. *Cenzor v gosudarstvennoj sisteme dorevoljucionnoj Rossii (vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka)*. [Censor in the state system of pre-revolutionary Russia (second half of the 19th — early 20th centuries). In Russ.] St. Petersburg: Severnaja zvezda, 2011.
- ROZHDESTVENSKIJ S. V. *Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija, 1802–1902*. [Historical review of the activities of the Ministry of Education, 1802–1902. In Russ.] St. Petersburg, 1902.
- SKABICHEVSKIJ A. M. *Očerki po istorii russkoj cenzury, 1700–1863*. [Essays on the History of Russian Censorship, 1700–1863. In Russ.] St. Petersburg, 1892.
- TAKS CHOLDIN M. *Imperija za zaborom: istorija cenzury v carskoj Rossii* / Per. M. Galushkinoj. [The Empire Behind the Fence: A History of Censorship in Tsarist Russia / transl. by M. Galushkina. In Russ.] Moscow, 2002.
- Vysshie i central'nye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917: V 4 t. T. 1.* Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija / Отв. ред. N. P. Eroshkin, отв. составитель D. I. Raskin. [Higher and central institutions of Russia. 1801–1917: In 4 vols. Vol. 1. The highest state institutions / Ed. N. P. Eroshkin, resp. comp. D. I. Raskin. In Russ.] St. Petersburg: Nauka, 1998.
- Vysshie i central'nye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917: V 4 t. T. 2.* Central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija / Отв. редактор i отв. составитель D. I. Raskin. [Higher and central institutions of Russia. 1801–1917: In 4 vols. Vol. 2. Central government agencies / Ed. & resp. comp. D. I. Raskin. In Russ.] St. Petersburg: Nauka, 2001.

ZAHAROVA L. G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861*. [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861. In Russ.] Moscow: Izd-vo MGU, 1984.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. И. Раскин. Из истории одной неудачной попытки руководить русской печатью // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1. С. 143–159

Аннотация: Публикуемые документы содержат сведения об истории Комитета по делам печати. Создание этого комитета было неудачной попыткой Александра II руководить общественным мнением посредством воздействия на периодическую печать. Вопрос о создании Комитета по делам печати рассматривался в Совете министров (1858). Это была личная инициатива императора. Состав комитета (Н. А. Муханов, гр. А. В. Адлерберг и А. Е. Тимашев) оказался крайне неудачным. Включение в состав комитета А. В. Никитенко мало помогло делу. Созданное членами Комитета по делам печати «Образование» комитета свидетельствовало о «бюрократическом дилетантизме» авторов. Попытка правительственного руководства русской печатью была обречена на неудачу. Комитет по делам печати прекратил свое существование уже в 1859 г.

Ключевые слова: Комитет по делам печати, Александр II, Совет министров, Н. А. Муханов, А. В. Адлерберг, А. Е. Тимашев, А. В. Никитенко, периодическая печать.

FOR CITATION

D. I. Raskin. From the history of one unsuccessful attempt to lead the Russian press // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2022, pp. 143–159

Abstract: Published documents contain information on the history of the Press Committee. The creation of this committee was an unsuccessful attempt by Alexander II to direct public opinion by influencing the press. The establishment of the Press Committee was considered in the Council of Ministers (1858). It was a personal initiative of the emperor. The staff of the committee (N. A. Mukhanov, A. V. Adlerberg and A. E. Timashev) was extremely unsuccessful. The inclusion in the committee A. V. Nikitenko helped little. The statute of the committee, created by members of the Press Committee, testified to the “bureaucratic amateurism” of the authors. An attempt by the government to lead the Russian press was doomed to failure. The Press Committee ceased to exist in 1859.

Key words: Press Committee, Alexander II, N. A. Mukhanov, A. V. Adlerberg, A. E. Timashev, A. V. Nikitenko, press.

Автор: Давид И. Раскин — д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: David I. Raskin — Dr of Sci. (History), professor, St. Petersburg State University.

E-mail: d.raskin@mail.ru; d.raskin@spbu.ru.

ORCID 0000-0001-7421-7809